

ЗНАЧИМОСТЬ РУССКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ДЛЯ СЕРБСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИДЕНТИТЕТА

Джурич Жвойин, Пекович Марко, Сербия

Аннотация. Двести лет назад сербы начали освобождаться от власти Турецкой империи. Целями освобождения становились правовая безопасность и предсказуемая система налогов, которые обеспечили бы экономическое благосостояние Сербии. Только в последнем этапе борьбы с турками целью становилась национальная независимость. Молодая политическая элита начала поиск политических принципов, которые способствовали бы выполнению этих целей. Хотя в этом восстании Сербия получила политическую и военную поддержку именно от России, самая большая часть элиты, получив образование на Западе, в Сербию привезла с собой и западные политические идеи.

Annotation. Two hundred years back Serbians began to rid of power of the Turkish empire. Legal safety and predictable system of taxes that would provide economic welfare of Serbia became the aims of liberation. Only in the last of peat-time of fight against turks national independence became an aim. A young political elite began the search of political principles that would assist implementation of these aims. Although in this revolt Serbia got political and military support exactly from Russia, greater part of elite, getting education in the west, to Serbia brought with itself and western political ideas.

Из этих идей две оказались самыми важными. Одна касается рациональной бюрократии, а другая представительной демократии. Вдохновленные Французской революцией, сербские интеллектуалы были убеждены в том что индивидуальные права человека, свобода и собственность могут существовать только в рамках экспансии политики Просвещения через бюрократизацию и демократизацию. Это правда, что некоторые мыслители пытались адаптировать западные идеи к сербским обстоятельствам, но среди них не было тех, кто увидел бы эти западные ценности как огромную проблему

саму по себе. Верно также и то, что у сербских мыслителей социалистической ориентации были связи с русскими революционерами и анархистами.

Однако, эти левые силы, в сущности те же западники, не являются представителями оригинальной русской мысли. Нас здесь интересует самобытная русская мысль, с которой Сербия еще не ознакомилась в достаточной степени, особенно если иметь в виду актуальный политический, экономический и социальный кризис, который длится уже несколько десятилетий и достиг своей кульминации только в 2008 году.

Очевидно, что западные идеалы эпохи Просвещения не сумели выполнить выше упомянутые цели, ради которых сербский народ предпринял борьбу за национальное освобождение. Сегодня влияние политики на экономику трудно преувеличить. Сербия имеет высокий государственный долг, высокий бюджетный дефицит, высокие государственные расходы и очень высокие налоги подобно странам Евросоюза.

Пока эти проблемы в России не существуют. В России все эти экономические параметры низки и экономический рост впечатляет, особенно в сравнении с большинством европейских стран. Кстати, у России нет проблем в отношении национального суверенитета, как это заметно у стран Евросоюза или стран, желающих вступить в Евросоюз. Вопрос заключается в том, существуют ли ныне русские социальные и политические идеи, которые помогли бы нам вновь найти себя, возобновить, укрепить и защищать сербский национальный идентитет?

Конечно, у нас нет намерений объяснять вам характеристики русской мысли. Вы это знаете лучше, чем мы. Мы здесь только высветим некоторые оригинальные и продуктивные, наш взгляд, русские идеи, с помощью которых можно найти путь к лучшему будущему для нашей страны. Мы считаем, что славянофильское учение Ивана Сергеевича Аксакова о превосходстве общества над государством и бюрократией и его критика демократии, а также монархическая мысль Константина Петровича Победоносцева занимают в этом смысле особое место. Мы вкратце обратим внимание и на концепцию

национального суверенитета Александра Сергеевича Панарина, без которой, по нашему мнению, нет ни индивидуальной, ни коллективной свободы.

Принцип национального суверенитета Панарина органично связан с учениями Аксакова и Победоносцева. В сербском общественном мнении преобладает мнение о том, что русская политическая мысль ориентируется на какое то огромное, тоталитарное государство, имеющее полный приоритет над индивидуумом и обществом. И.С. Аксаков ясно опровергает этот предрассудок. Он приводит доказательства того, что Восток и православная Россия считали морально превосходным не государство, а общество. Может быть, в большей степени, чем это было на Западе у консерваторов вроде Э. Берка или части теоретиков природного права вроде Дж. Локка, хотя и они отрицали преувеличение важности государства в сравнении с обществом.

В своей статье «Славянофильская концепция нации и государства», Аксаков положил понятие общества между понятиями народа и государства (стр. 72–80). По его мнению, народ — это стихийная духовная сила, непосредственное сознание и творческая активность. Эта творческая активность является тайной и формируется спонтанным образом, ибо так образуется и язык — независимо от намерений любого отдельного человека.

Государство есть сфера внешнего принуждения, окружающая народ. Общество есть не что иное, как народ на втором этапе становления, когда народное самосознание защищает народ от преступлений со стороны власти. Как пишет Аксаков, без сильного общества государство все более и более расширяется, как толстая кора дерева, которая в экспансии уничтожает сердцевину дерева (общество). Расширение политической коры происходит когда кто то кладет новые политические элементы между корой (актуальным государством) и сердцевиной дерева (обществом): «(...)желая спасти сердцевину (...) вам приходится утверждать подпорку новой подставкой (...) и.т.д. до бесконечности, то есть до того, что вы сами этими же ограждениями от болезненного роста коры убьете сердцевину» (стр 87). Существует только один способ приостановления экспансии политической коры — сохранение

актуальной, но все таки спонтанно унаследованной системы (в момент когда писал Аксаков это была монархическая система).

Так можно уменьшить отрицательное влияние политики на общество, ибо в природе тонкая кора дерева (монарх), сама по себе, не уничтожает сердцевину. Это случается только если кто то пытается искусственно внести какие то новые элементы (демократию масс) в дерево, но об этом более подробно будем говорить чуть позже. Основным принципом общества является спонтанность. Здесь Аксаков имеет в виду совокупность традиционных практик общества и народа. Как и народная творческая активность, эта спонтанность не является результатом однократной, обдуманной или конструктивистской акции любого человека или политической институции, но равнодействующей многочисленных поступков социальных субъектов через поколения. Он это определяет как стихию: «Напротив, всякая попытка организовать общество политически противоречила бы самому существу общества, убила бы внутреннюю свободу его развития, внесла бы в стихию его духовной деятельности начало внешнего принуждения» . В общем, для Аксакова и общество, и народ важнее государства уже в том смысле, что без них государство не может существовать, иначе не бывает. Точно так же дерево может прожить без коры определенное время, иного не дано. Он подчеркивает, что личный и социальный идеал человека стоит гораздо выше самого совершенного государства, таким же образом, как совесть и внутренняя справедливость лучше, чем законы и внешняя справедливость .

Государство для Аксакова является не только несовершенством, но и неизбежным злом: «Государство, конечно, необходимо, но не следует верить в него как в единственную цель и полнейшую норму человечества» . Константин Леонтьев, который был не в вполне согласен со славянофилами, писал, что славянофилы хотели видеть стабильное, долгоживущее русское государство и что они всегда были за самодержавие . Они были сторонниками православной монархии, которая несла в себе, по их мнению, меньшую опасность вторжения государства в права общества и народа. Монархия — это государство

небольшое в объеме, но сильное и стабильное. Существует еще одна важная правовая категория, которую выделяет Аксаков. Это его понимание верховенства права.

Эта категория ошибочно связывается только с англосаксонской правовой теории, сформулированной Альбертом Венном Дайси в 1889 году . Однако, Аксаков сформулировал это прежде Дайси: «Закон не есть непреложная истина, не есть какое то непогрешимое изречение оракула, не подверженное изменениям: он имеет значение ограниченное и временное... Мы хотели только, с одной стороны, заявить здесь наше несогласие с провозглашенной теорией, безразлично требующей духовного поклонения всякой сигнатуре закона без внимания к его содержанию...» При этом, очевидно, что здесь речь идет не о нормах, формируемых обществом автономным способом, когда некоторые из них изменяются очень медленно или почти никогда не изменяются, но о правилах, законах, выданных государством. Почему все эти идеи Аксакова важны для Сербии и, может быть, для какой нибудь из европейских стран? По нашему мнению, причина их продуктивности в том, что всем странам, которые являются членами ЕС или кандидатами на вступление (Сербия), навязывается очень много бюрократических правил и схем, значительно больше, чем когда либо прежде в истории.

Бывший президент Чехии Клаус, тогда еще занимавший пост президента, заявил, что его страна должна теперь гораздо больше бояться регулирования со стороны ЕС, чем влияния России, и что мы сегодня живем в гораздо более регулируемом обществе, чем 20 лет назад, незадолго до падения коммунизма. Все традиционные связи между людьми в обществе ломаются, и на их место приходит политическая регулировка сверху. Многие функции, за которые раньше несли ответственность семья, церковь, частные предприятия и имения, сегодня выполняются государством и по большей части огромными корпорациями, которые в тесной связи с политиками диктуют правила не только экономической, но и культурной, и любой другой сфер жизни. Люди теряют свою свободу и превращаются в контролируемые объекты. По этой

причине названные русские идеи содержат в себе здоровую альтернативу сербской безусловной интеграции в ЕС, которая пока делает акцент исключительно на политике, бюрократическом регулировании, сциентистской администрации.

Эти идеи — альтернатива доминирующим идеалам Запада, символизирующим эпоху Просвещения и представительную, а лучше сказать, эгалитарную и тоталитарную демократию, возникшую в якобинской скупщине в ходе Французской революции. Согласно русской мысли, самая лучшая политическая формула для свободного и традиционного общества — монархизм или царизм. Насколько нам известно, главным представителем монархической мысли в России является К.П. Победоносцев, советник императора Александра третьего.

Интересно, что этот мыслитель рассматривает монархию на фоне критики ее главного врага — демократии. Победоносцев в своей работе «Великая ложь нашего времени», критикует философию Жана Жака Руссо, настаивающую на совершенности человеческой природы и полной способности всех людей осуществить принципы демократического социального порядка. Победоносцев, оценивая политическую природу, опирается на исторический опыт, а не *ex nihilo* мыслительные конструкции. Он пишет, что на протяжении многих веков продолжалось угнетение народа со стороны королей, императоров и олигархов. Но было бы иллюзией считать, что пороки тех, кто принимает участие во власти, зависят только от формы управления, а не от человеческой природы. Проблема заключается в том, что сторонники демократии утверждают обратное: по их мнению, демократия отличается управлением «общего интереса», т.е. политические деятели руководствуются якобы не личным интересом, а интересом народа, и что эта концепция есть универсальный подход для обеспечения свободы. Учитывая опыт европейских демократий в ходе XIX века, Победоносцев показывает более реальную картину демократии. Вместо неограниченной власти монарха, демократия тяготеет к неограниченной власти парламента.

Парламентаризм есть торжество эгоизма, высшее его выражение, и политический деятель в условиях демократии не работает для общества. Оно — только лозунг для его личного успеха. Для Победоносцева парламент есть: «...учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей». Поскольку, согласно Победоносцеву, и монархия, и демократия страдают от идентичных страстей и слабостей, остается решить вопрос о том, какая из двух концепций, о которых писал Аксаков, менее вредна для общества и народа.

Победоносцев эмпирически приводил ряд примеров европейских демократий XIX века, из которых можно почерпнуть множество фактов о причинах переворотов и о возникновении диктатур. Все они, по его мнению, указывают на более выраженную политическую стабильность монархии в сравнении с демократией, что должно служить дополнительным аргументом пользу русского царизма. Критика демократии в работах Победоносцева имеет значение и для понимания природы экономических свобод. Это же доказывает век спустя один западный автор консервативного направления Ганс-Герман Гоппе в книге «Демократия — божество, которое предало». Гоппе также эмпирически показывает, что традиционные монархии в гораздо меньшей степени ограничивали экономические свободы, чем это происходило в республиканских демократиях или парламентарных монархиях.

Кроме того, исходя из уже приведенного теоретического аргумента, в соответствии с которым политики в демократиях работают только для себя, а не общий интерес, Гоппе дополнил учение Победоносцева, подчеркнув, что у монарха более длинный временной горизонт для планирования, ибо именно он и его династия собственники власти. Монарх знает, что он не уйдет из власти, вследствие чего он старается не преувеличивать объем экономической эксплуатации своих подданных на данный момент, ибо хорошо знает о рисках: короткое удовлетворение влечет за собой долгосрочный ущерб для его же позиции. Таким образом, монархия ориентируется на умеренность в экономической эксплуатации общества, которое «финансирует» сохранение

рычагов власти. А эта умеренность, в свою очередь, дает возможность населению быть более продуктивным, что и обеспечивает благосостояние и прирост доходов не только для общества, но и для самого монарха. С другой стороны, политики в условиях демократии знают, что они скоро уйдут из власти и поэтому очень легко падают в искушение распорядиться государственными ресурсам в краткосрочной перспективе (тот же сбор налогов), в максимально возможной степени и сразу. Для демократических политиков умеренность несет в себе всегда и только отрицательные эффекты.

Концепция Гоппеа — дополнительный аргумент в пользу русской монархической мысли, которая должна громко заявить перед всем миром о своем существовании. И это важно именно в данный момент, когда политические системы Европы находятся в кризисе, а новые идеи востребованы обществом. Эти русские идеи могут найти теплый прием в сербском общественном мнении. Спонтанное общество и местное самоуправление основаны на правовом обычае, который сложился у сербского народа задолго до обретения его национальной независимости в 1878 году.

У нас тоже, как и у русского народа, есть монархическая традиция. Об идентичной православной вере и о родстве языков знает большинство русских и сербов, что не требует особых доказательств. В заключение следует особо отметить, что мы, вслед за Панариным, признает неоспоримую важность сохранения национального суверенитета в эпоху глобализации, что является решающим фактором для возвращения в жизнь идей Аксакова и Победоносцева. Формирование мирового правительства обозначало бы не только отрицание государственного суверенитета, но и полное рабство человечества в любой сфере.

Именно об этом говорил Панарин в книге «Искушение глобализмом»: «Современные «либералы» глобализма, напротив, защищают не предпринимателей, а финансовых спекулянтов и подрывают позиции настоящих производителей, создающих национальное богатство. Они защищают привилегии международных экономических хищников,

опирающихся на глобальные центры политической и экономической власти, лелеющих мечту о безраздельном мировом господстве, сегодня называемом однополярным миром. Пора понять, что нормальное международное экономическое соревнование и партнерские отношения вырастают из производительной экономики национального типа. Если мир будет представлен множеством суверенных национальных экономик, то он гораздо ближе подойдет к либеральному идеалу отношений свободной соревновательности и партнерства...».

Литература

1 Станоје Станојевић, Историја српскога народа, Издавачка књижарница Напредак, Београд, 1926. С. 310, 324; Прота Матеја Ненадовић, Мемоари, Народна Књига, 2005. С. 57–77.

2 Латинка Перовић, Српско-руске револуционарне везе : прилози за историју народњаштва у Србији, Службени лист СРЈ, Београд, 1993.

3 Аксаков И. Наше Знамя — Русская Народность / Институт русской цивилизации. М., 2008. С. 72–80.

4 Аксаков И. Наше Знамя — Русская Народность / Институт русской цивилизации. М., 2008. С. 89.

5 Аксаков И. Наше Знамя — Русская Народность / Институт русской цивилизации. М., 2008. С. 110.

6 Аксаков И. Наше Знамя — Русская Народность / Институт русской цивилизации. М., 2008. С. 110.

7 Константин Леонтјев. Белешке пустињака. Београд, 1997. С. 145, 148. 100

8 Dicey A.V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. MacMillan and Co, London, 1889. P. 189–192.

9 Аксаков И. Наше Знамя — Русская Народность / Институт русской цивилизации. М., 2008. С. 110–111.

10 'Klaus: ČR should fear overgrown Europe, not Russia' // aktualne.centrum.cz/czechnews/clanek.phtml?id=648223.

11 Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993.

12 Мирослав Свирчевић. Локална управа и развој модерне српске државе. Београд, 2011. С. 30.

13 Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2003. С. 10.

14. Терентьева В.И. РОДОВАЯ ПАМЯТЬ ПРОТИВ ВОЗРОЖДЕНИЯ НАЦИЗМА , 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. – 2015. – № 20; URL: vsoa.esrae.ru/186-941

15. Терентьева В.И. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА КАК УСЛОВИЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ И КРОССКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. – 2014. – № 15; URL: vsoa.esrae.ru/181-853

16. Терентьева В.И. ЭТНО-ГРАЖДАНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ – ВАЖНЫЙ МЕХАНИЗМ ИНТЕГРАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМИ // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. – 2015. – № 19; URL: vsoa.esrae.ru/185-928

Статья издана в Сб. «Панаринские чтения», 2016 г.